САРТРИАНСКИЕ ИСТОКИ КОНЦЕПЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СУБЪЕКТНОСТИ ФРЕДРИКА ДЖЕЙМИСОНА*

Посвящается 25-летию Института философии и права Уральского отделения РАН

УДК 321.02; 141.32

Е.А. ИВАНОВА

Первым изданным трудом Фредрика Джеймисона стала опубликованная в 1961 году книга «Сартр: истоки стиля». И хотя эта работа, написанная в качестве докторской диссертации в Йельском университете, где Джеймисон изучал французскую литературу под руководством известного филолога Эриха Ауэрбаха, в основном носила литературоведческий характер, уже в ней отразились некоторые тенденции последующего развития методологии исследователя, а также его философских и политических взглядов. Говоря о влиянии французского теоретика на раннем этапе творчества Фредрика Джеймисона, британский исследователь Шон Хомер отмечает, что «фигура Сартра, наряду с Лукачем и Адорно, остается одним из центральных ориентиров теоретического проекта Джеймисона» [12, p. 2]. И действительно, на всем протяжении становления и развития этого проекта, характеризовавшемся в терминологии постмодернизма некоторой ризоматичностью, интеграцией и синтезом элементов различных парадигм, исследователь систематически обращается к творчеству Сартра.

Тема свободы, глубоко и по-новому освещенная Жаном-Полем Сартром в его многочисленных работах, начиная с самого раннего этапа его творчества, оказалась весьма актуальной и своевременной для послевоенной Америки 1950–1960-х годов. Его идеи, хотя и были восприняты академической средой США крайне неоднозначно, тем не менее, проникая постепенно, оказали заметное влияние, не только на интеллектуальную, но и, опосредованно, на политическую жизнь американского общества, которые в этот период особенно тесно переплелись между собой.

Как отмечает Энн Фултон, автор книги «Сторонники Сартра: экзистенциализм в Америке, 1945–1963» [См.: 11, p. 2], знакомство американского академического сообщества с идеями французского философа произошло уже после, Второй мировой войны, и на протяжении, по меньшей мере, двух последующих десятилетий отношение к самому Сартру и его концепциям в департаментах философии американских университетов и колледжей оставалось крайне противоречивым. Первоначальный скептицизм в оценке значимости Сартра как философа в среде американского философского сообщества был отчасти обусловлен достаточно прозаической причиной: на английский язык переводились в основном его литературные произведения, поэтому отсутствие переводов основных философских трудов Сартра заставляло воспринимать сартрианство скорее как литературную школу [см.: 11, p. 22]. В этих условиях главными центрами исследования творчества Сартра стали департаменты французской литературы американских университетов, где студенты и преподаватели, благодаря хорошему знанию французского языка, могли действительно глубоко изучить его работы. В частности, одним из таких центров являлся департамент французской литературы Йельского университета [см.: 11, p. 22], в котором в конце 1950-х – начале 1960-х обучался Фредрик Джеймисон, защитив магистерскую, а затем и докторскую [см.: 18, p. 3] диссертации по теме «Сартр: истоки стиля». По признанию самого Джеймисона, важную роль в подготовке этой работы сыграл профессор Анри Пейр [см.: 15, p. 12]., возглавлявший департамент французской литературы Йеля с 1939 по 1969 год. Пейр, как отмечает Э. Фултон, активно направлял студентов на изучение экзистенциализма как литературного и философского течения и был одним из тех ученых – выходцев из Франции, которые сыграли ключевую роль в знакомстве Америки с идеями Сартра [см.: 11, p. 23–24].

*Статья подготовлена при поддержке совместного научного проекта ИФиП УрО РАН и ИФПР СО РАН № 12-С-6-1003 «Новые парадигмы социального знания»

Более близкое знакомство американских философов с философскими концепциями Сартра стало возможным только в 1956 году, когда на английский язык был переведен его фундаментальный труд «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии». Однако до этого момента представления американских философов о сартрианской философии главным образом основывались на знакомстве с небольшим эссе французского философа «Экзистенциализм», которое многими было воспринято довольно критично. Идеи Сартра об абсолютной свободе человека, заброшенного в мир и обреченного нести полную ответственность за свое существование, многим показались слишком пессимистичными. К примеру, один из молодых американских критиков Сартра того времени Оливер Беррис в своей рецензии на «Экзистенциализм» назвал его философию философией отчаяния [см.: 4, p. 14]. И даже Хейзел Барнс, ставшая впоследствии самым авторитетным американским специалистом по творчеству Сартра и популяризатором экзистенциализма в Америке, первоначально характеризовала его как «модную философию пораженчества и отчаяния» [цит. по: 4, p. 92], пришедшую из послевоенной Европы.

Вместе с тем, неоднозначное отношение к Сартру в философских кругах было также обусловлено его стремлением дистанцироваться от академической среды и, что еще более существенно, его политической позицией. Дело в том, что с течением времени стали очевидными возросшие симпатии и интерес Сартра к марксизму, что в условиях политики маккартизма начала 1950-х годов лишь усиливало подозрение к его идеям. «Охота на ведьм», развернутая в рамках этого курса и нацеленная, в общем и целом, на борьбу с прокоммунистическими силами внутри государства и теми, кто симпатизировал им, велась и в стенах американских университетов [см. напр.: 8; 9]. Жертвами этой борьбы стали, в том числе, некоторые преподаватели высшей школы. По данным, приведенным в книге американского исследователя Джона Маккамбера, «98 преподавателей гуманитарных институтов стали либо объектами расследования, либо свидетелями противоположной стороны на заседаниях правительственных комиссий» [17, p. 25]. Вместе с тем, по понятным причинам особое внимание проводников этого курса было обращено к философским департаментам как традиционным рассадникам свободомыслия и нежелательных идей. Так, из 742 преподавателей философии, входивших в состав Американской ассоциации университетских преподавателей, 1,2% оказались под давлением политики маккартизма, превысив по этому показателю число преподавателей английского языка и литературы в 4 раза и на 20% число преподавателей физики, удерживая, таким образом, по оценкам Маккамбера, первое место среди представителей всех прочих областей знания [см.: 17, p. 25]. В то же самое время не только американские, но и зарубежные интеллектуалы, симпатизировавшие левым идеям, вызывали настороженность у спецслужб США. В частности, и Жан-Поль Сартр, и Симона де Бовуар неоднократно оказывались в их поле зрения из-за своих критических высказываний в адрес американской культуры, внешней политики и маккартистского курса [см.: 10].

В этих условиях политические и философские идеи Жана-Поля Сартра, которые были популярны и востребованы во Франции того времени, оказалась почти на периферии официальной американской академической философии, где на тот момент господствующие позиции уже практически закрепила за собой аналитическая философия с характерной для нее позитивистской проблематикой и методологией, стремлением приблизить философию к науке, свободной от пустых спекуляций и политической ангажированности. Анализируя результаты доминирования этого типа философии в американской академии, начиная с 1950-х годов и на протяжении нескольких десятилетий, американский философ Ричард Рорти констатировал, что в это время в департаментах философии фактически перестали изучать Гегеля, Ницше, Хайдеггера и других. Как следствие, в американских университетах эта традиция стала предметом дискуссий в других департаментах – например, истории, политики и сравнительного литературоведения [19, p. 198].

Наряду с указанными последствиями политики маккартизма ее запреты и ограничения произвели и вполне ожидаемый обратный эффект. Как отмечает Фредрик Джеймисон, описывая свой личный опыт, именно маккартизм стал тем решающим фактором, который способствовал радикализации его взглядов в 1950-е годы [см.: 16, p. 120].

В этой связи можно сказать, что обращение Джеймисона к Сартру было обусловлено не только беспристрастным философским поиском и исследовательским интересом, но и отчетливыми политико-мировоззренческими мотивами, а именно стремлением найти ролевую модель вовлеченного в политику интеллектуала [12, p. 6].

По этому поводу сам Джеймисон отмечал: «…для целого поколения французских интеллектуалов, а также для других европейцев, особенно молодых британских левых, равно как и для американцев, таких, как я, Сартр представлял собой модель политически активного интеллектуала, одну из немногих ролевых моделей, которые у нас были, но которой было достаточно» [Цит. по: 12, p. 4].

В 1960-е годы с их революционным накалом, критическим переосмыслением социальных условий и обновленным дискурсом политической борьбы фигура французского философа сохранила свое значение для многих американских левых [См.: 7, p. 226], а его идеи и язык отразились в способе артикуляции и интерпретации ключевых проблем и в целом повлияли на формирование того политического нарратива 1960-х, который выступил как альтернатива господствующему.

«Человек совсем не является вначале, чтобы потом быть свободным, но нет различия между бытием человека и его «свободным бытием»» [2]. Таков конституирующий принцип онтологии радикальной свободы Жана-Поля Сартра, сформулированный им в работе «Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии», который стал определяющим одновременно и для его философской, и для его политической программ. Однако в случае Сартра это не просто одна из многих патетических деклараций и призывов к свободе, которые вдохновляли и служили идейным обоснованием протестных движений конца 1960-х годов в Европе и Америке. Свобода для него является неизбежным следствием несотворенности человека, его заброшенности в мир, а также представления о том, что сознание человека есть чистое ничто и не содержит в себе ничего, что было бы ему имманентно, будучи при этом всецело обращено вовне в поисках своего постоянно ускользающего содержания. Это сознание, лишенное каких бы то ни было устойчивых, изначально данных, априорных, оснований, и в силу этого вынужденное бесконечно конструировать себя, каждый раз делая свободный выбор, не подкрепленный никакими трансцендентальными «подсказками». Эта проблематичная ситуация имеет два важных следствия: такая радикальная свобода порождает чувство тревоги и отчужденности от мира, которое человек способен усмирить лишь проектируя и утверждая свое бытие в мире, в выборе которого он свободен.

Принципиально важную функцию в этом проектировании себя в мире для Сартра выполняет воображение. Описывая его онтологический статус, в своей работе «Воображаемое: феноменологическая психология воображения» он пишет: «…воображение не является некоей эмпирической и дополнительной способностью сознания, оно есть само сознание в целом, поскольку в нем реализуется свобода сознания; любая конкретная и реальная ситуация сознания в мире наполнена воображаемым в той мере, в какой она всегда представляет собой выход за пределы реального…Ирреальное порождается за пределами мира сознанием, которое остается в мире, и человек способен воображать именно потому, что он свободен в трансцендентальном смысле» [3, с. 306]. Таким образом, сознание человека в своей потенции всегда воображающее, и именно воображение является тем, что позволяет человеку определить свое место в мире, установить контуры реального и пространство возможного. Анализируя концепцию воображения Сартра, Р. Талли отмечает его конституирующий потенциал, подчеркивая, что для французского философа «акт воображения сам по себе уже является способом формирования реальности, поскольку оно устанавливает возможность для сознания понять «реальный» мир» [20, p. 5].

Идея заброшенности и потерянности человека в мире в философии Сартра перекликается с концепцией когнитивного картографирования Фредрика Джеймисона, которая в проекте американского теоретика занимает особое место, фактически выполняя функцию политической стратегии.

Анализируя положение субъекта в реальности, и Сартр, и Джеймисон описывают его в терминах пространства. Сартрианская идея о творческом и свободном поиске человеком индивидуального проекта своего бытия-для-себя, превращающегося для него в собственный универсум, в центре которого он сам и оказывается, близка по своей сущности к требованию Джеймисона о поиске ментальных карт. И если в первом случае обретение своей «пространственности» равносильно обретению своего присутствия в мире и преодолению отчужденности от него, то во втором определение субъектом своего местоположения в социальной реальности имеет по сути тот же онтологический смысл.

Для Джеймисона человек/субъект, также как и для Сартра, оказывается затерянным в пространстве реального. Однако, объясняя истоки этого проблематичного состояния, американский теоретик указывает на его вполне конкретные социально-исторические предпосылки, связывая потерянность и отчужденность человека от социальной ре-

альности с логикой развития современного капитализма, который он называет поздним. Сопоставляя поздний капитализм с классическим капитализмом и докапиталистическими формами социальности, Джеймисон делает вывод о том, что если в этих последних формах «непосредственный и ограниченный опыт индивидов все еще мог налагаться и совпадать с той реальной экономической и социальной формой, которая этот опыт определяла» [13, p. 349], то капитализм в своей поздней стадии все чаще лишает индивидуальный опыт субъекта точек соприкосновения с социальной реальностью. И дело не столько в утрате ощущения значимости и аутентичности этого индивидуального опыта под унифицирующим воздействием глобализации, сколько в степени и интенсивности проникновения капиталистической логики во все без исключения сферы социальности.

Джеймисон утверждает, что в условиях позднего капитализма это проникновение становится тотальным – как в пространстве реального, так и в пространстве символического, что делает фактически невозможным формулирование какого бы то ни было альтернативного индивидуального или общественного проекта, свободного от этой доминирующей логики. Для того чтобы восстановить способность человека/субъекта к политическому действию, т.е. восстановить его статус как субъекта политического, для начала ему необходимо вернуть себе ощущение социального пространства и умение ориентироваться в нем. Необходимы своего рода ментальные карты, которые обозначат контуры пространства и назовут его.

В этой процедуре когнитивного картографирования Джеймисон приписывает большое значение воображению. Он отмечает, что «когнитивная картография имеет целью четкое выражение структуры Воображаемого в наших отношениях к социальным структурам» [1], которые мы можем постичь «только посредством воображаемого, в фантазии или в нарративе» [1]. В этом отношении его проект снова сближается с проектом Сартра. И если, как утверждает французский философ, сознание тождественно воображению и тот факт, воображает субъект или нет, зависит лишь от его мотивации, то те надежды, которые Фредрик Джеймисон возлагает на способность сознания к производству утопий, не являются тщетными.

1. Джеймисон Ф. Репрезентация глобализации [Электронный ресурс]. URL: http://polit.ru/article/2010/04/05/jameson/ (дата обращения: 16.04.2013).
2. Сартр Ж.-П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии. [Текст] / Ж.-П. Сартр. М.: АСТ, 2009. 928 с.
3. Сартр Ж.-П. Воображаемое: феноменологическая психология воображения. [Текст] / Ж.-П. Сартр. СПб.: Наука, 2001. 320 с.
4. Barres O. In the Deeps of Despair. Existentialism by Jean – Paul Sartre. Review / O. Barres // the Saturday Review. May 31, 1947. P. 14.
5. Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory. / I. Buchanan. Continuum, 2006. 140 p.
6. Cannon B. Hazel E. Barnes 1915-2008: A Tribute and Farewell / B. Cannon, E. Hazel // Sartre Studies International. Volume 14, Issue 2, 2008. P. 90-103.
7. Cotkin G. Existential America / G. Cotkin. The Johns Hopkins Univ. Press, 2005. 368 p.
8. Deery P. 'Running with the Hounds' Academic McCarthyism and New York University, 1952-1953 / P. Deery // Cold War History. Vol. 10, No. 4, November 2010. P. 469-492.
9. Devinatz V.G. McCarthyism on the Charles: The Life and Times of Labour Historian Ray Ginger before and After His Dismissal from Harvard University / V.G. Devinatz // Left History. Vol. 13, Issue 2, Fall/Winter 2008. P. 128-150.
10. Friedman M.P. Of Sartre, race, and rabies: "Anti-Americanism" and the transatlantic politics of intellectual engagement / M.P. Friedman //Atlantic Studies. Vol.8, №3, September 2011. P. 361-377.
11. Fulton N. Apostles of Sartre: Existentialism in America, 1945-1963. / N. Fulton. – Northwestern Univ. Press, 1999. 170 p.
12. Homer S. Sartrean Origins // Fredric Jameson: A Critical Reader (eds. Sean Homer and Douglas Kellner) / S. Homer. New York: Palgrave Macmillan, 2004. P. 1-21.
13. Jameson F. «Cognitive Mapping» // Marxism and the Interpretation of Culture (eds. Nelson, C., Grossberg, L.) / F. Jameson. Univ. of Illinois Press, 1990. P. 347-360.
14. Jameson F. Marxism and Form: Twentieth Century Dialectical Theories of Literature / F .Jameson. Princeton Univ. Press, 1971. 432 p.
15. Jameson F. Sartre: the Origins of a Stile / F. Jameson. Yale Univ. Press, 1961. 228 p.
16. Live Jameson. An Interview with Fredric Jameson // Buchanan I. Fredric Jameson: Live Theory / I. Buchanan. Continuum, 2006. 152 p.
17. McCumber J. Time in the Ditch: American Philosophy and the McCarthy Era / J. McCumber. Northwestern Univ. Press, 2001. 213 p.
18. Roberts A. Fredric Jameson. Routledge Critical Thinkers / A. Roberts. Routledge, 2000. 176 p.
19. Rorty R. Philosophy in America Today / R. Rorty // American Scholar. P. 183-200.
20. Tally R. T. Jr.. Sartre, Marcuse and the Utopian Project Today. [Электронный ресурс]. URL: http://docs.lib.purdue.edu/clcweb/vol12/iss1/2 (дата обращения: 16.04.2013).